

Пятилетний Чу Лань был еще совсем пухленьким. Увидев, как к нему тянет руки Чу Цзюсюй, он хотел было попроситься на ручки, но тот, будучи еще подростком, отстранил его: С сегодняшнего дня, Ваше Величество, на аудиенции нужно ходить пешком.

Чу Лань остался недоволен, но, заметив выражение лица Чу Цзюсюя, послушно промолчал.

Чу Цзюсюй всегда был строг в воспитании Чу Ланя, особенно когда речь заходила о боевых искусствах. Чу Лань, которого всегда держали за спиной, еще не знал, насколько жесток императорский дворец и как тяжело их положение, поэтому ежедневные тренировки стали для него сущим мучением.

В тот день он, не выдержав, принялся кататься по полу, наотрез отказываясь заниматься. Лицо Чу Цзюсюя помрачнело: Вставай и продолжай!

Нет, я не хочу больше учиться! — Чу Лань смотрел на свои покрасневшие ручки, и слезы градом катились из его глаз.

Чу Цзюсюй не стал больше его уговаривать, а просто взял на руки. Каждое движение дяди и племянника было у всех на виду, так что выбраться из дворца было непросто. Но у Чу Цзюсюя имелись свои способы: переодевшись, он вынес Чу Ланя через собачий лаз в Холодном дворце.

Никто бы и не подумал, что достойный регент способен на такое неподобающее поведение — пролезать в собачью нору вместе с правителем целого государства.

Оторвавшись от слежки, Чу Цзюсюй вывез Чу Ланя за город, к полям. Сейчас как раз был сезон весенних полевых работ, и на земле кипела жизнь.

Чу Цзюсюй закатал Чу Ланю штанины, поставил его в поле и вложил в руки пучок рассады: Сегодня не поешь, пока не засадим этот участок. Разумеется, я буду помогать.

Чу Лань с мольбой в глазах посмотрел на зеленые стебли в своих руках: Дядюшка, я не умею.

Я научу тебя. — Чу Цзюсюй встал позади, обхватив пухлые ладошки мальчика, и помог ему один за другим воткнуть стебли в землю.

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко. Чу Лань с головы до ног перепачкался грязью — даже если бы он предстал перед Фань Вэньфаном, тот вряд ли узнал бы в этом оборванце высокомерного маленького императора Чуцзина.

Мальчик покраснел от жары, он был уставшим и голодным: Дядюшка, я хочу есть.

Чу Цзюсюй, не прекращая работы, ответил, даже не подняв головы: Сначала закончим этот

участок.

Чу Лань посмотрел на поле, где они с трудом управились едва ли с половиной, и пришел в отчаяние. Если они будут работать до победного, он же просто умрет от голода! В этот момент Чу Лань поскользнулся и плюхнулся прямо в жижу. К нему подползла черная пиявка. Мальчик, который еще недавно был бледен от страха, теперь с невозмутимым видом поднялся и, вытянув испачканную грязью пухлую ногу, одним пинком отшвырнул пиявку прочь.

Когда Чу Лань уже начал видеть круги перед глазами от голода, поле наконец было засеяно. Заходящее солнце казалось теперь куда приятнее, чем утреннее.

Чу Цзюсюй не побрезговал взять на руки испачканного в грязи ребенка: Тяжело?

Чу Лань поспешно кивнул.

Хорошо, что ты знаешь, что такое тяжелый труд. — Чу Цзюсюй указал на людей, согнувшихся в три погибели в поле. — Даже у подножия Шанцзина им приходится несладко, лишь бы прокормиться. А за пределами столицы есть люди, которым живется куда хуже, они и того не имеют. Ты — император Чуцзина, и они надеются только на тебя. Не разочаровывай ни их, ни своего дядю.

Чу Цзюсюй вздохнул: Ты с детства рос в роскоши, неудивительно, что тренировки кажутся тебе мукой. Но, по крайней мере, ты всегда сыт, не так ли? Если бы времена были мирными, я бы не стал тебя принуждать. Но вот уже два года в правительстве затишье, и кое-кто уже не может усидеть на месте. Грядет смута, беда уже близко. Ваше Величество, тебе пора повзрослеть.

Чу Цзюсюй нес перепачканного в грязи Чу Ланя обратно. Двое евнухов при виде этой парочки чуть не лишились чувств от изумления, но в то же время испытали огромное облегчение.

Чу Цзюсюй искупал Чу Ланя, смыв с него всю грязь.

Мальчик был еще мал, и Чу Цзюсюй каждую ночь оставался во дворце. Как назло, именно в ту ночь во дворец пробрались убийцы.

Чу Цзюсюй закрыл собой Чу Ланя. У императора Чэнсюаня действительно оставались верные и искусные тайные стражи, вот только их было мало — всего двадцать восемь человек. Чу Цзюсюй сражался, постоянно отвлекаясь, чтобы защитить Чу Ланя, и вскоре начал сдавать позиции.

Чу Лань побледнел от страха. В его сторону полетел арбалетный болт — евнухи попытались прийти на помощь, но их сковали убийцы.

Чу Цзюсюй отшвырнул ближайшего человека в черном и бросился наперерез, приняв удар на

себя. Болт вонзился ему прямо в плечо. Чу Цзюсюй про себя выругался: ну и ну, докаркался.

Глаза Чу Ланя налились кровью: Дядюшка!

Чу Цзюсюй поднялся с земли: Вытри слезы. Что за вид — реветь, как девчонка, настоящий мужчина так не поступает.

Но я еще не мужчина, — всхлипывая, ответил Чу Лань.

Чу Цзюсюй посмотрел на его хрупкое тельце и промолчал.

Убийцы были уничтожены, но из тайных стражей Чэнсюаня в живых остались лишь единицы. Спальню императора окружили, словно крепость.

У Чу Цзюсюя все плыло перед глазами. Он схватил евнуха Вана за рукав: Найди старого государственного наставника. Ваше Величество перепугался и у него начался жар, никого не пускай в покои.

Слушаюсь, — отозвался евнух.

Старого государственного наставника притащили в спешке, бедняга едва не рассыпался по дороге. Увидев рану на плече Чу Цзюсюя, он лишь покачал головой.

Евнух Ван всполошился: Вы же искусный лекарь, скажите же что-нибудь определенное, что с князем?

Государственный наставник вздохнул и дал Чу Цзюсюю пилюлю: Я могу лишь поддержать жизнь в регенте. Это древний, редкий яд, известный как игла в шелке, исцелить от него может только Обездруживающая Жемчужина.

Чу Лань вцепился в рукав старика: Где эта жемчужина? Я ее достану.

Не знаю, — вновь вздохнул наставник. — Обездруживающая Жемчужина — легендарное священное средство, способное излечить от любого яда. Я никогда не видел ее воочию.

Дурное предчувствие Чу Цзюсюя сбылось: той же ночью у Чу Ланя от страха начался жар, и в бреду он постоянно видел, как Чу Цзюсюй умирает. Лишь к рассвету температура спала.

Чу Цзюсюй открыл глаза и сел на постели: Оденьте меня, пора на аудиенцию.

Евнух Ван обеспокоенно спросил: А ваша рана?

Ничего страшного, — ответил Чу Цзюсюй. Взглянув в зеркало на свое мертвенно-бледное лицо, он добавил: Ван, принеси пудры и румян.

Евнух Пань заранее все подготовил. После того как он нанес слой косметики, бледное лицо Чу Цзюсюя обрело краски.

Тот вздохнул: Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я буду пользоваться женскими румянами, как какой-то мальчишка из борделя.

Лицо евнуха Паня переменилось: Князь, что вы такое говорите!

Чу Цзюсюй отмахнулся, прерывая его, и с решительным видом отправился на аудиенцию.

С тех пор Чу Ланю больше не требовались напоминания: он отбросил прежнюю лень и так усердно взялся за боевые искусства, что поразил всех.

Проснувшись в следующий раз, Чу Цзюсюй обнаружил, что лежит на императорской кровати. Это было уже не в первый раз, поэтому он спокойно сел.

Евнух Ван поспешно поднес ему таз с водой.

Умывшись, Чу Цзюсюй спросил: Ваше Величество в кабинете?

В кабинете, князь. Сначала поешьте, — евнух Ван подал ему чашку каши с постным мясом.

Чу Цзюсюй сделал пару глотков и отставил чашку: Не хочу. Пойдем.

На лице евнуха Вана отразилась тревога: Вы с утра съели всего пару булочек, как же выдержит ваш организм?

В этот момент вошел евнух Пань с миской овощной каши. Белоснежный рис, украшенный свежей зеленью, выглядел аппетитно: Это постное блюдо от государственного наставника, я принес немного для вас.

Чу Цзюсюй поел овощной каши, вытер рот платком и сказал: Я вернусь в резиденцию. Передай Вашему Величеству.

Евнух Ван хотел было пойти следом, но евнух Пань удержал его: Князь никогда не любил мясо, что ты творишь?

Евнух Ван вздохнул: Князь столько дней в разъездах, да еще и ранен, как он может не есть

мясного? Я смотрю, как он день ото дня тает, сердце не на месте. Хоть что-то должен съесть.

Евнух Пань тоже тяжело вздохнул: Государственный наставник хотя бы на растительном масле готовит, а регент вообще никакой жирной пищи не принимает. Неудивительно, что евнух Ван так переполошился.

Евнух Ван отстранил руку евнуха Паня: Мне пора.

Подожди, — евнух Пань выудил из рукава два кроваво-красных браслета. — Только что встретил государственного наставника, передай их князю, пусть обязательно наденет.

Понял, — отозвался Ван и поспешил догнать Чу Цзюсюя, вместе с ним сев в карету.

Чу Цзюсюй, видимо, не выспался, вид у него был вялый: Что это за штуковина у тебя?

В руках евнуха Вана были два ярко-красных браслета, искусно украшенных ажурным белым нефритом. Любая женщина пришла бы в восторг, но у Чу Цзюсюя не было такого вкуса.

Евнух Ван осторожно произнес: Это браслеты из целебной лозы, их прислал государственный наставник.

Чу Цзюсюй тут же спрятал руки в рукава: Я не буду носить эту бабскую дребедень, как мне потом людям показаться?

Евнух Ван, проживший бок о бок с Чу Цзюсюем пятнадцать лет, знал, как с ним обращаться. Его глаза покраснели: Не хотите — не носите. Мы с Вашим Величеством что-нибудь придумаем, как-нибудь поправим ваше здоровье.

Евнух Ван помнил Чу Цзюсюя еще наследным принцем. Сейчас он был уже немолод, и его жалкий вид тронул сердце регента.

Чу Цзюсюй протянул руку: Ладно, надевай. В конце концов, я просто буду прятать руки в рукава.

Евнух Ван поспешно надел браслеты, боясь, что тот передумает.

Чу Цзюсюй, видя его старания, решил не придирается к этому вечно беспокоящемуся старику.

Резиденция регента хоть и не шла ни в какое сравнение с дворцом, тоже была немаленькой. Чу Цзюсюй любил покой, и из-за того, что людей было мало, дом казался пустым. К счастью, строгих правил в резиденции почти не было, и местные слуги были довольно живыми,

привнося в дом хоть немного тепла.

Хуа Юньгэ вернулся? — спросил Чу Цзюсюй.

И Вэнь прыгнул с балки: Вернулся, тренируется с мечом на заднем дворе.

В резиденции не было хозяйки, у Чу Цзюсюя не было даже наложниц, поэтому задний двор постепенно пришел в запустение, и слуги засадили его овощами. Чу Цзюсюй приказал снести один из павильонов, превратив его в тренировочную площадку.

Свернув за угол, Чу Цзюсюй оказался в тихом дворике, засаженном бамбуком. Сейчас как раз был сезон побегов, и служанки собирали их в корзины. Мальчик, тощий, как обезьянка, сидел поодаль, выглядя еще более подавленным, чем сам Чу Цзюсюй.

Увидев его, служанки поспешно поднялись: Ваше Высочество.

Чу Цзюсюй махнул рукой, показывая, что им не стоит отвлекаться, и схватил мальчика за воротник.

Мальчик, за последние дни привыкший к таким манипуляциям, невозмутимо спросил: Чего?

Буду тебе папашей, — ответил Чу Цзюсюй.

Мальчик фыркнул и скрестил руки на груди, всем видом выражая презрение: Мне не нужен отец.

Нужен-нужен. Ребенок с отцом — как сокровище, без отца — как трава. А еще отец — это молоко, так что ты соглашайся, — нагло заявил Чу Цзюсюй.

Мальчик нахмурился: Где ты видел отца, который дает молоко? И вообще, я уже вышел из того возраста.

Посмотри, до чего ты исхудал. Я приказал пригнать для тебя коз, молоко ты пить обязан.

Мальчик выпалил: Значит, ты мой отец?

Чу Цзюсюй подавился. Вот ведь язык у мальчишки!

Тот покачал головой: Лучше не надо. Если я останусь с тобой, то точно вырасту таким же странным.

Евнух Ван с изумлением посмотрел на ребенка: а ведь правду сказал, метко подметил.

Чу Цзюсюй возмутился: Да что со мной не так? Я отлично умею растить детей.

Мальчик вздохнул с видом умудренного опытом старца: Ну конечно. Ты вон чуть было не потащил меня в тот самый дом.

Минувшей ночью его едва не затащили в бордель, если бы Цзин У вовремя не спохватился и не увел ребенка. Чу Цзюсюй действительно растил детей в спартанских условиях, таская их повсюду.

Чу Цзюсюй кашлянул: Тебе уже десять, пора расширять кругозор. Через пару лет женишься — вот и посмотришь, как все устроено. Видишь, как я заботлив?

Мальчика несли за шиворот, так что он мог лишь упражняться в красноречии: Я вижу только, что на тебя нельзя положиться.

Чу Цзюсюй притащил его на задний двор, где как раз закончил упражнения Хуа Юньгэ: Князь.

Чу Цзюсюй швырнул мальчика в сторону, Хуа Юньгэ поспешно подхватил его. Взглянув в темные глаза ребенка, он не увидел в них ни капли страха.

Хуа Юньгэ, придерживая ребенка, спросил: Князь, чей это мальчик?

Твой сын, — небрежно бросил Чу Цзюсюй.

Хуа Юньгэ был поражен, руки его дрогнули, и он чуть не уронил ребенка. Мальчик, проявив предусмотрительность, вцепился в одежду Хуа Юньгэ.

В голове у Хуа Юньгэ пронеслись мысли о том, какая женщина могла родить ему ребенка. Перебрав с десяток имен, он наконец осознал, что у него вообще не было связей с женщинами!

Князь, у меня нет ни жен, ни наложниц, ни любовниц. Откуда у меня ребенок?

Чу Цзюсюй бросил взгляд на пах Хуа Юньгэ: Ты что, неспособен?

Хуа Юньгэ замер.

Князь, вы старше меня на два года, и у вас тоже никого нет.

Чу Цзюсюй отмахнулся: Я веду целомудренный образ жизни.

Хуа Юньгэ безмолвствовал.

Для него это целомудрие, а для меня — неспособность? Где справедливость?

В резиденции канцлера Фань Вэньфан сидел во главе стола, напротив него расположились сын и внук.

Фань Цо, его сын, совсем не пошел в отца — ни ума, ни хитрости: Отец, мы потеряли столько людей, давайте перестанем испытывать судьбу и просто поднимем мятеж. Только не дайте себя снова обмануть.

Фань Вэньфан помрачнел. Он был человеком глубокомысленным и подозрительным. Кто бы мог подумать, что никчемный император Чэнсюань перед смертью сплетет такую ложь? Когда Фань Вэньфан наконец распознал обман, Чу Цзюсюй и его племянник уже набрали силу. Упустить лучший момент для восстания — это была его главная боль.

Фань Вэньфану наступили на больную мозоль, но на лице не дрогнул ни один мускул. Если бы перед ним был не родной сын, тот не дожил бы до завтрашнего дня: Дело серьезное, нужно проявить осторожность. Мне нужно все как следует обдумать.

Что тут думать? Нужно нанести удар, пока они не опомнились, — Фань Цо не скрывал нетерпения. — Отец, когда ты стал таким трусливым?

Наглец! У меня на этот счет свои соображения, не лезь не в свое дело! — Фань Вэньфан перевел взгляд на внука Фань Фаня, и лицо его смягчилось: А ты что думаешь?

Фань Фань опустил глаза: Регент и государственный наставник в Шанцзине. Сейчас не лучшее время.

Фань Вэньфан кивнул: Обсудим это позже.

Фань Цо с досадой сел, затаив еще большую злобу на Фань Фаня. Если все равно никогда не слушают его мнения, зачем вообще звать его на совет?

Не только Фань Цо был не в духе — Вдовствующая императрица Чжоу тоже злилась. Чу Лань через евнуха Паня передал, что Чжоу Цзыхэн не подходит на роль мужа великой принцессы. Вспомнив о Чу Цзюсюе, только что покинувшем дворец, императрица Чжоу, разумеется, прониклась к нему еще большей неприязнью.

Она с грохотом швырнула книгу на стол: Скажите на милость, император — мой родной сын,

неужели я могу пожелать ему зла? Мои слова он пропускает мимо ушей, а речи Чу Цзюся ловит на лету. Просто неблагодарный!

Нянька поспешила успокоить ее: Ваше Величество, император — ваш сын, он никогда не пропускает утренние приветствия. Если вы будете так говорить, он огорчится.

Императрица Чжоу фыркнула, но немного успокоилась: Скоро возвращается великая вдовствующая императрица. Приведи дворец Цынин в порядок, чтобы не к чему было придраться.

Отношения между великой вдовствующей императрицей и императрицей Чжоу были натянутыми. К невестке она питала неприязнь, считая ее слабохарактерной и недалекой. Если бы Чжоу не родила Чу Ланя, великая вдовствующая императрица не стала бы ограничиваться простым игнорированием.

При упоминании о ней настроение императрицы Чжоу снова испортилось: Это она велела мне искать мужа для великой принцессы. Кого бы я ни нашла, ей все не по душе. Раз она сама не доверяет моему выбору, зачем было поручать это мне? В итоге я осталась виноватой.

Ваше Величество, успокойтесь. Вы — законная мать великой принцессы, если вы не вмешаетесь в ее дела, это будет выглядеть дурно. А уж выберет ли она того, на кого укажете вы, — это уже не в ваших силах. И если брак окажется неудачным, винить будут не вас, — низко поклонившись, прошептала нянька.

Тоже верно, — гнев императрицы Чжоу был мимолетным. — Я больше не буду вмешиваться в дела принцессы, себе дороже.

Нянька тихо отступила за спину императрицы, став неподвижной, как изваяние.

Смерть Вэнь Шу раскрылась быстрее, чем предполагал Чу Лань. Мин Чэнь, выяснив обстоятельства, без промедления явился во дворец: Сын ваш, Ваше Величество, пришел с докладом.

Чу Лань отложил бумаги: Вставай, Мин-цин, что у тебя?

Мин Чэнь поднялся: Причина смерти Вэнь Шу установлена.

Чу Лань опустил кисть: Говори.

Причина смерти оказалась до смешного нелепой и ненавистой. Старший сын Вэнь Шу был никчемным повесой, известным своей жестокостью. Однажды, выехав за город, он встретил девушку из крестьянской семьи редкой красоты и, не говоря ни слова, силой увез ее в свою резиденцию в качестве наложницы.

Девушка приглянулась не только сыну, но и самому старому развратнику Вэнь Шу, который, напившись, овладел ею. Сын, разумеется, не мог соперничать с отцом, и девушка перешла из рук сына к отцу. У нее был жених, она должна была вот-вот выйти замуж, и, не вынеся такого позора, девушка отравила и отца, и сына.

Вэнь Цзинь в тот день гулял на стороне и спасся, а вот Вэнь Шу не повезло. Сама же девушка после этого покончила с собой.

Мин Чэнь продолжил: Яд ей дала одна из служанок в доме Вэнь Шу. Сегодня утром служанку нашли мертвой за городом, след оборвался.

На лице Чу Ланя не дрогнул ни один мускул, но внутри он был разгневан: Чем занимается Ведомство цензоров? Под носом в Шанцзине творится такое безобразие, а они ни сном ни духом!

Мин Чэнь заступился за упрямого старика из Ведомства: Вэнь Цзинь откупился от семьи девушки, а Вэнь Шу был осторожен и замел все следы. Господин Лю — человек прямой, он не может следить за покаяниями каждого чиновника, так что некоторые упущения простительны.

Лю Цюн из Ведомства цензоров был человеком маленького императора, и тот дорожил им. Мин Чэнь предложил выход, и император решил воспользоваться: Смертной казни избежит, но за проступок ответить должен. Лишить жалования на год.

Выйдя из кабинета, Мин Чэнь свернул к Залу Минхэ, где жил государственный наставник. Цзин У сидел на подстилке, погруженный в молитву. Мин Чэнь не решился прервать его и просто сел неподалеку.

Закончив читать, Цзин У открыл глаза и, не оборачиваясь, спросил: Зачем пришел?

Мин Чэнь скривился: Я тут сижу уже битый час, и даже чаю не предложили. У всех судьба разная, что тут скажешь!

Цзин У проигнорировал его выпад: Раз дела нет, можешь идти.

Какой же ты бессердечный, — Мин Чэнь перестал ходить вокруг да около. — След Вэнь Шу прервался. Боюсь, теперь виновные скроются еще глубже.

Цзин У перебирал четки: Не факт.

<http://bllate.org/book/21929/2278343>